

Дмитрий Ковалев

БЕСЕДЫ
В ПРЕДБАНИИ

Сборник рассказов
незабытых душ

Дмитрий Ковалев

**Беседы в предбаннике. Сборник
рассказов забытых душ**

«Издательские решения»

Ковалев Д. Н.

Беседы в предбаннике. Сборник рассказов незабытых душ /
Д. Н. Ковалев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747796-7

Двое ученых из маленького городка Чугуева, что недалеко от Харькова, изобрели уникальное средство, позволяющее связываться с так называемыми душами человека. Дмитрий и его друг Денис приглашены на презентацию данного изобретения, во время которой ученые и гости прослушали ряд невероятных историй из первых уст покойников.

ISBN 978-5-44-747796-7

© Ковалев Д. Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Беседы в предбаннике	7
Неопределенная судьба	11
I	11
II	15
III	18
IV	21
Post scriptum	26
Локомотив №148Н	27
I	28
II	30
III	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Беседы в предбаннике
Сборник рассказов забытых душ
Дмитрий Николаевич Ковалев

© Дмитрий Николаевич Ковалев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

С каждым новым научным открытием, появляется новая возможность узнать волнующие ответы и приблизиться на шаг к разгадке тайны существования человечества, как до рождения, так и после него. В современном научном мире, вариант религиозных ответов не удовлетворяет вопрошающих в полной мере. И у последних, остается желание узнать больше, узнать лучше и подробнее. Но, к сожалению, не всегда это возможно.

Чаще всего, в жизни человек задается вопросом, есть ли жизнь после смерти и если есть, то какая? А если нет, то что есть дальше? После того момента, как перестает биться сердце. После того, как человеческое тело, истощенное в физических муках, производит последний вдох и выдох. Что происходит после этого и происходит ли?

Религия утверждает, что человеческая душа покидает тело и направляется в одно из мест именуемое «Раем», либо «Адом». Атеисты утверждают, что ничего не происходит, просто темнота и все. Но тогда остаются без ответа вопросы с так называемыми аномальными и паранормальными явлениями природы, такими как встреча с призраками, общение с мертвыми, и другие необъяснимые наукой явления. Они не имеют объяснения, но они есть и это факт, их видят, фиксируют, наблюдают в течении жизни целые группы людей. Но в связи с тем, что эти явления невозможно описать и доказать, их отвергают и списывают на другие факторы, такие как галлюцинации и проделки разума. Это делается с целью обезопасить, наверное, себя. Обезопасить от неведомого, неизвестного, не понятно и от того страшного. Но обезопасив и оградившись от этих явлений, мы не избавляемся от них. Они есть, они рядом, даже когда мы этого не замечаем или не хотим замечать. И вместо того чтобы попытаться объяснить эти явления мы отгораживаемся от них.

Но все же они есть, эти явления рядом, в каждом из нас. Просто в другом, не привычном для нас виде. Иногда на самые сложные вопросы, дают самые простые ответы.

Беседы в предбаннике

Мы ехали в машине, Денис сосредоточенно смотрел на дорогу, покусывал нижнюю губу.

– Денис, все это бред как мне кажется, – сказал я, – простой развод.

– Дим, даже если так, мне просто интересно, что они придумали.

– Да фигню какую-то они придумали.

– Ну вот приедем и посмотрим на эту фигню. Или я тебя отчего-то отвлекаю?

– Да, отвлекаешь. Я хотел свои каникулы провести с пользой. А ты меня вытащил...

– С пользой?! – Посмеялся он, – польза это деятельность, направленная на развитие и улучшение чего либо, а зависание перед компом, это тупо время провождение.

– Я между прочим начал статьи писать, для блага.

– Угу, в перерывах между переписками в «Вконтакте», – пробурчал Денис.

Мы остановились возле не большого трех этажного здания. Лет так двадцать назад, его фасад был выложен ярко-розовой плиткой, от которой остались лишь не большие ее участки.

– Это и есть их лаборатория? – Спросил я, осматривая фасад здания.

– А что ты хотел? Ребята и так работают на энтузиазме. Ладно, – сказал он, сжав крепче руль, – если это явная байда и развод. Мы с тобой там не задержимся и на пол часа. Но если та тема реальная, то ты мне поможешь.

– Хорошо, – согласился я, – пошли. Давай с этим покончим и ты мне поставишь литр красного.

– Вот и ладно, – согласился Денис.

Мы вышли с машины, подошли к железной двери, скорей всего некогда синего цвета. Денис постучал пару раз, мы стояли в ожидании кого либо.

– Ты мне объясни, что они вообще тебе сказали? – Спросил я.

– Да я толком не понял ничего. Один из этих академиков, некогда влиятельная личность, но потом ушел на вольные хлеба и теперь работает сам. Позвонил, сказал, что у них есть экспериментальный аппарат, сказал, что это революционное изделие и что ему нужна помощь в фиксации информации. – Денис еще пару раз постучал в дверь.

– А я причем? И что за информация?

– Ну ты же журналист?

– Блогер, – поправил я.

– Без разницы, – отмахнулся он рукой, – а по поводу информации я понятия не имею. Короче тебе нужно будет написать статью. А я уже по своим связям ее опубликую, найдем спонсоров ну, а дальше будет дальше. Та где они...

Не успел Денис закончить, как с той стороны послышался звук отодвигающегося засова. Дверь открылась и перед нами оказался не высокого роста дедушка, с залысиной на макушке и в очках с толстыми линзами.

– Здравия вам, – сказал Денис, – мы уж вас заждались.

– Прошу извинить меня, – сказал дедушка, впуская нас внутрь, – не мог прервать эксперимент.

Мы прошли по плохо освещенному коридору, спустились на два этажа ниже и оказались в светлой комнате, заставленной громоздкой аппаратурой, стоящие на столах старые мониторы показывали какие-то графики. Со стен сыпалась облупленная штукатурка, в углах развеивалась паутина. За одним из компьютеров сидел шупленький черноволосый парень, он сутулился и что-то вводил на компьютере.

– Проходите господи. Вот это и есть наш революционный аппарат. Образец экспериментальный, но уже опытный.

– Расскажите мне о нем, что это и для чего оно предназначено? – Спросил Денис, рассматривая блоки возле стены.

– С удовольствием, – улыбнулся старичок, – только позвольте вам задать вопрос. Вы верите в жизнь после смерти? – Спросил он, глядя Денису в глаза.

– Вообще-то да, но часто сомневаюсь в ее существовании.

– Так вот этот аппарат, позволяет нам доказать существование этой жизни.

– Вы нашли рай? – Спросил я.

– Нет, – ответил дедушка, переводя на меня внимание, – мы нашли место, куда попадают так называемые души человека.

– Вы серьезно? – Переспросил Денис, и мы оба устали на дедушку.

– Вполне. Мы привыкли думать что рай или ад, это миры, в которые попадает наша душа после смерти. Рай это что-то светлое, солнечное, приятное. Ад полная противоположность, это скалы, вечные костры в которых горят души грешников. Основываясь на этих определениях, мы не можем понять, доказать либо опровергнуть существование таких мест. И для решения этой проблемы, нужно всего-навсего переосмыслить эти понятия. Все понятия, – поправил он себя. – Мы подошли к этой точке зрения, путем сравнения человеческого тела с компьютером, с компьютером, подключенным к сети интернет.

Мы предположили, что вся известная человеку информация не находится непосредственное в мозге. Мы предположили, что она сохраняется на ином информационном носителе, имеющем свой адрес. И наш мозг связывается со своим носителем, они настроены на одинаковую волну. То есть, теперь наш мозг не выступает как хранилище, он теперь выступает как приемник-передатчик информации. Все что человек знает, он передает в этот свой носитель, всю информацию, которую он воспринимает, он передает в хранилище, а когда она ему становится нужной, мозг отправляет запрос и получает всю заложенную ранее информацию.

Каждый фрагмент памяти имеет свой адрес, в случае утери этого адреса, информация способна пропадать и становится недоступной.

Вот так мы предположили. – Сказал дедушка раскинув руки в стороны, после присел на стоящий рядом стул. – Мы определились, с принципом работы. Следующим шагом был поиск адреса носителя, хранилища и последующая расшифровка содержащего. И знаете что? – Он обвёл нас взглядом, – спустя десяток лет кропотливой работы и исследований, у нас это получилось. Это было невероятно сложно, но упорство и желание постигнуть тайну, сделали свое дело.

Как? Спросите вы меня, мы вернулись к сравнению мозга с радио приемником-передатчиком. Но не простым, а работающем на засекреченной аппаратуре связи, сокращенно «ЗАС». Принцип его работы состоит в том, что он шифрует исходящую информацию, перехватив которую, ничего кроме белого шума не услышишь, расшифровать ее можно с помощью той же аппаратуры. Получается, что все «молоко в эфире» это и есть души человека, только зашифрованные.

Мы провели сотни ночей над людьми, которым был поставлен смертельный диагноз. Наша аппаратура контролировала и отслеживала тысячи диапазонов, фиксировала малейшие изменения. И знаете, – улыбнувшись сказал профессор, – это все не напрасно. Мы зафиксировали, спустя пару минут после констатирования смерти, что одна из частот изменялась. Ранее она была стерео чистотой, а после смерти стала моно чистотой. Проще говоря, до самой физической смерти, мозг все время издавал запрос, а после смерти на этой частоте оставался лишь ответ на запрос.

Было сложно, но мы создали аппарат способный эмитировать этот запрос. И теперь мы получаем ответ.

Как бы это фантастически не звучало, но мы можем общаться с мертвыми. Я не буду вам подробно рассказывать, принцип работы, нашего устройства. Но вкратце расскажу, как мы расшифровываем находящуюся информацию в этих хранилищах.

В каждом хранилище, находится огромного рода разной информации. Визуальная, звуковая и память об ощущениях, так сказать обоняниях. Всю находящуюся там информацию, мы не можем расшифровать, пока. Но на сегодняшнем этапе, мы можем читать, расшифровывать и воспроизводить информацию в звуковом формате. Проще говоря, мы будем слышать то, о чем ранее думал человек. Мы можем услышать от него некую историю или читать его мысли.

– Невероятно, – сказал Денис, – продемонстрируете?

– Конечно! – радостно воскликнул профессор, – для этого вы и здесь, сейчас Женя настраивает аппарат на новую частоту, расшифрует запись, и мы сможем пообщаться с одной, так называемой душой.

– То есть, вы хотите сказать, – спросил я, – что вся информация, всех людей и народов, находится в этих, так сказать хранилищах?

– Увы, но нет. Так устроено, что даже эти хранилища не резиновые, и занимают огромное количество информационного пространства. Поэтому дабы, дать место другим хранилищам, старые очищаются, а информация рассеивается, чувствительные люди способны улавливать куски этой информации, так получают ведения и предсказания. Если хранилищам долго не задавать запросы, то информация просто-напросто исчезает. Если хранилище было сильное, то оно способно существовать от одного до нескольких лет. Но средняя продолжительность такого хранилища сорок дней.

– А что происходит потом?

– Потом она становится не доступной для нас. По крайней мере, пока я не могу сказать, куда она пропадает и пропадает ли вообще. Я предполагаю, что эти хранилища перемещаются либо архивируются, ну либо рассеиваются. А эти сорок дней они находятся в ожидании, так сказать в «Предбаннике».

– Невероятно, – сказал я.

– Еще как вероятно, – ответил профессор и улыбнулся, – с помощью этого аппарата, мы можем общаться с умершими. Спрашивать их и они будут нам отвечать, души будут рассказывать истории со своей жизни. Так можно узнать, например имя убийцы, либо узнать спрятал ли человек перед смертью некие сбережения. Да что угодно.

Мы разместили наши приборы в сотнях больничных палат и они каждый день фиксируют потерю запроса, в связи со смертью. У нас есть не большая база, которой мы можем воспользоваться и сегодня ради эксперимента, вы можете узнать что-либо.

– Я всегда любил слушать истории, – сказал Денис.

– В таком случае, сегодня мы послушаем невероятные истории из жизни этих людей. Сразу предупрежу вас, мы не знаем имен, фамилий и дат людей, которым принадлежат эти хранилища. Но уверен, они могут рассказать все что знают, и даже то, о чем никому и никогда не рассказывали. Жень, – обратился дедушка к черноволосому парню, – как успехи?

– Все нормально, еще пара секунд и запись будет расшифрована.

– Отлично, ну что же, усаживайтесь поудобнее, – обратился к нам профессор, – сегодня вы будете слушать беседы в предбаннике. У вас сложится впечатление, будто вы слушаете рассказ из первых уст, «душа» может просто рассказывать, а может и задавать вопросы, как будто общается сама с собой. Да что я вам рассказываю, давайте просто послушаем.

Мы все затихли в ожидании звука из динамиков, мне все еще не верилось, что это правда. А если это и правда то я был свидетелем невероятного, революционного открытия.

Мы ждали и дождались, мы все вчетвером слушали запись доносящуюся из колонок, голос говорящего был хриплый, бесчувственный, монотонный, но он был, он говорил. И все,

что он нам рассказал, все интересные истории, которые мы услышали, изложены в этом сборнике.

Неопределенная судьба

I

Ох и нравиться мне вот так стоять с чашечкой кофе в руках и наслаждаясь чистым после дождя воздухом, прохладным и успокаивающим, смотреть на закат. Понимать, что еще один день прошел, и все события, яркие, буйные события последних дней, которые вызывали волнения и переживания, уходят в неизвестность вместе с этим солнцем. Они не исчезают, они перерождаются в другую форму существования, в воспоминания или в проблемы которые повлекут за собой новую череду непредсказуемых, а может и вполне предсказуемых событий.

Давно я вот так спокойно не наслаждался закатом. Даже вспомнить не могу, когда я действительно им наслаждался. Смотрел, наблюдал, видел вскользь да что угодно, но наслаждаюсь я им, наверное впервые. Эх, жаль не курю, сейчас бы сигаретку к кофе, стильно бы смотрелось, стильно, но бессмысленно.

Как же все-таки красиво, жаль, раньше не было возможности это понять. Постоянные спешки, решение каких-то проблем отнимают время и только, на место старых проблем приходят две новые, еще сложнее, еще важнее.

Это как математика, стоило тебе в детстве решить пример на отлично, как все с тех пор стали считать, что у тебя есть великое будущее математика, карьера, работа в институте, а в чем смысл? Разве в том, что бы решать всю свою жизнь, эти проклятые уравнения, задачи, находить способы их решения. И суть в том, что это в дальнейшем станет смыслом жизни, без этого уже никуда не денешься, постоянно будешь решать, а этих задач меньше не станет и легче они не станут. Не знаю, может от этого получают постоянно удовольствие. Но тогда получается, что с другой стороны, это как наркотик, стоит один раз попробовать и все, подсел, сначала просто понравилось, а потом от этого уже не деться. Потому, что кроме решения уравнений, ни на что больше не способен, да и не доверят уже другую работу. Ибо «каждый должен заниматься тем, чем должен!»

А кто виноват? Кто? Никто не признает свою вину.

С одной стороны ты успешный математик, а с другой, противный мужик, за четыре дня рождения до пенсии, у которого кроме математики и его уравнений, друзей то и нет, ну может я. И то только потому что учились в одном классе, а потом еще и жили в одной комнате в общежитии, делили корку хлеба на двоих. Это тогда он еще горел желанием постигать вершины великой науки, быть известным ученым, посещать научные конференции, вариться в подобной научной каше. Но теперь его главное занятие, это как-то отчитать лекцию, а после издеваться над молодыми умами. Хотя может в этом его цель: «доказать, что в математике не все так просто и нет никакой романтики в этих научных конференциях, в этих многострочных уравнениях нет, нет и быть не может», а что есть? А есть маленькая зарплата, неудачный брак, и отсутствие потомства. Конечно, ты можешь сказать, что это все работа виновата, что ты всю свою жизнь отдал науке. Но! Есть, но! Ты сам сделал свой выбор, и винить придется только тебя, то есть себя.

Рассуждения зашли бы еще дальше, но в дверь кто-то настойчиво колотил со всей дури, пришлось перенести эти мысли опять в старый ящик с подписью «подумать на досуге» да и солнце уже село. Поэтому иного выбора, как открыть дверь я не видел, в другом случае ее просто выломают.

– Да не молоти ты так! – Крикнул я. Дверным глазком не обзавелся, поэтому по старинке спросил, – кто там?

– Серый открывай... Это я... Женька... ну же открывай.

Открыв дверь, все оказалось правдой, на пороге стоял Женька мой одноклассник. Математик, о судьбе которого я буквально только что вспоминал. Только вместо обычного умного вида он был напуган, бледный как простынь, глаза здоровенные, и видно, что его всего трясет.

– Жек, ты чего это? Как будто приведение увидел.

– Не... не... приведение, хуже! Серый, ты в восставших из могил трупов веришь?

Ну все, поехал математик, допился, хотя перегара не слышно. Но и здоровым человеком его назвать язык не поворачивается.

– Жека, успокойся и проходи в дом, все нормально, не переживай, – Блин, как же вести себя с этими, у которых крышу сорвало. – Ты себя как чувствуешь, успокойся, на воды... хотя нет, может водки?

– Нет-нет-нет. Я теперь ни капли, – Жека прям отпрыгнул от меня услышав мое предложение, и чуть было не свалился со стула, – я теперь не то что пить, я теперь вообще не знаю... Да сегодня во всех святых уверовал, понимаешь? Молитвы вспомнил, которые бабка читала, когда я еще в коляске был. Я всю дорогу, которую от кладбища до тебя бежал, крестился, молился и прощения просил, – ну все точно гайка думаю, надо его успокоить, а то сердечко у него слабое может и не выдержать.

– Жека, ты главное успокойся, ну причудилось, ну с пьяни и не такое увидишь,

– Да если бы с пьяни, может и не заметил бы, так не пью, дня три уже не принимал, вообще, сухой как стеклышко. Лучше бы выпил, – сказал он, закрывая ладонями глаза.

– Давай, успокойся, ты у меня в доме, здесь черти не водятся, и мертвые ко мне не навешиваются, так что чувствуй себя в безопасности. Я поставлю чайник, и пока он кипит, ты мне обо всем расскажи и мы отделим правду от воображения.

Жека встал со стула начал ходить по комнате и поглядывать в окно, потом опять сел, погрыз ногти на руках, опять встал, подошел к окну. Продолжалось бы это наверно долго будь у меня крепкие нервы, но!

– Да не маячь! – Пришлось рывкнуть, – рассказывай.

– Да думаю с чего начать.

– Все равно с чего, ближе к сути дела, или точнее к корню вопроса, с чего все началось короче?

Жека сделал еще один круг почета по моей кухне от стула к окошку и обратно.

– Да что ты там хочешь увидеть? – Сам посмотрел в окно, солнце уже село, луны нет, еще и опять на дождь затягивает, темно хоть глаз выколи, – невидно же ни черта.

– Вот его-то я и выглядываю, не идет ли он за мной.

– Ты, Жека кончай эту ерунду молоть, или мне все-таки санитаров вызвать? Ты точно ничего не пил?

– Да ну тебя.

Жека сел на стул погрыз ногти, закрыл лицо руками и начал что-то бубнить.

– Э! ты чего это? – Жека не отвечал. – Жакан, ты слышишь меня? – Он не обращал внимания, а после встал, перекрестился три раза.

– Все началось с того, что я не успел на последний автобус в посёлок, а так как с города уехать было больше нечем, пришлось идти пешком. Все было, как всегда, но время близилось к закату, и я принял решение, сократить дорогу домой пройдя через старый погост, через него редко ездят машины, поэтому надежда поймать попутку у меня погасла еще в зародыше. За все время пути, а это около часа, я увидел только один микроавтобус, который ехал мне навстречу, стекла были, тонированы, причем плотно, и кто в салоне знакомый или нет, я не разглядел. Через час после встречи с автобусом я уже приближался к поселку, видел, как зажигаются фонари на улицах, и оставалось пройти через кладбище метров триста, по натоптанной тропинке, все, как обычно, не в первый раз. Да и в загробный мир я не верю, но теперь верю! – Я слушал, не перебивая, Жека очень нервничал, он постоянно заикался, закрывал глаза руками

и часто останавливался, в такие моменты в комнате стояла жуткая тишина. – Так вот иду я значит по кладбищу, оно ведь старое, еще до войны было уже закрыто и никого там не хоронят. Но что вызвало у меня сомнения так это то, что когда я шел и так мимоходом читал имена на памятниках и крестах, то иногда проскальзывали безымянные могилы.

– Ну Жека, это нормально, кладбище ведь действительно старое, у кого родные помнят, те ухаживают, а у кого никого нет, те безымянные.

– Нет, ты не понял, это свежие могилы, без крестов, без памятников просто свежая земля, все вроде как полагается, но! Наши местные, на этом кладбище никого не хоронят. Да и тем более так вот без символики, простую насыпь и все, так точно не делают, ну это не суть. Суть в том, что понесло меня, дурака, посмотреть на эти могилы, подхожу значит, беру землю, а она еще сырая ну дня четыре назад эту могилу закапали. Вот сижу я, значит, рассуждаю, солнце уже село вокруг тишина, и представляешь не просто тишина, а как говорят «зловещая тишина», ни свертка не слышно, собаки резко престаи гавкать в поселке, и тут понимаю, что я прислушиваюсь к этой тишине. Ситуация начала накаляться я пытался услышать хоть что либо, а слышал только как бьётся мое сердце. Знаешь, есть такое чувство, будто за тобой кто-то следит, кто-то смотрит на тебя за твоей спиной, в голове сразу началась паника. Я думал встать и идти домой, не оборачиваясь, потому что я искренне начал бояться, что я там за спиной кого-то увижу, чью-то тень. И понимаешь, на мгновение я даже престаи думать, вообще, сплошная тишина просто глушь. Как будто я в танке на глубине сто метров под землей, еще и с ватой в ушах. Я пытался прислушаться хоть к чему то, и к моему сожалению услышал.

Я услышал, как в метрах пяти за моей спиной, зашелестел пакет, как будто его резко кто-то разорвал. До меня донеслись хрипы, нечто за моей спиной пыталось надыхнуться воздухом. Я взял себя в руки, обернулся и под светом луны увидел, что из могилы торчит голова, и одной рукой пытается себя откопать, разгребая в стороны землю...

Дальше ничего не помню, только отрывки воспоминаний дороги под ногами, как подымался с колен, когда падал в ямы. И молитвы, вспомнил молитвы. Серый я не... я не когда так не был напуган, я не знаю что это. – И вот в первые, в жизни я увидел, как Жека плачет, не просто плачет, а как ребенок просто заливается слезами. – Серый я реально не понимаю, может это у меня крыша едет? – В комнате опять стояла тишина, я не знал, что мне думать, тут несколько вариантов, либо Жека реально отказался на сотрудничество с головой, либо здесь какое-то недоразумение.

Атмосфера была настолько напряжённой, что мы оба подпрыгнули, когда засвистел чайник.

– Жека, успокойся, ну рассуди сам, мы живем в прогрессивном веке, веке, где верить в мистику самое последнее дело. – Я сделал ему крепкий кофе, что бы он чуток взбодрился и пришел в себя. Но, увы мои усилия были напрасны. Жека смотрел в одну точку на стене стеклянными глазами, а потом стал пить, захлебываясь то слюной, то кофе.

– Серый, что мне делать? Может в церковь завтра сходить? Не знаю помолиться или что там вообще делают? Я там не был никогда.

– Для начала надо успокоиться и рассудить все по порядку.

– Я не смогу, да и не хочу, я хочу это все наоборот забыть, как будто ничего этого и не было совсем.

– Можешь остаться у меня, мои уехали к сестре в город и приедут после завтра, Может все таки водки? Или коньяк.

Жека посмотрел на меня своими заплаканными глазами. – Давай водки. – Сказал он с облегчением.

– Ну, вот и ладненько, выпьем, закусим, а завтра разберемся, как говорят «на удачную рыбалку ходят по свитанку»

За бутылкой мы просидели час, за все это время, Жека пять раз пересказал историю у могилы, а я пытался найти в этом хоть какой-то здравый смысл. Я пытался это все объяснить, сначала хотя бы для себя, и я пришел к выводу, что это все воображение Жеки, сыграло с ним такую злую шутку.

Начав второй пузырь, я завел с ним тему о том, что это все ему причудилось, Жеку явно попустило, он успокоился, и даже стал, как то уверенно говорить обо всем этом. Мол, все просто неожиданно вышло, встретить он этого трупа по тропинке, пожал бы ему руку, спросил о погоде, да и разошлись бы, как ни в чем не бывало. А тут на тебе, из-под земли вылез ни здрасте вам, ни поклона до земли, попробуй тут не перепугайся, тут даже у самого смелого ноги домой понесут. В итоге дабы доказать свою смелость, Жека сказал как отрезал.

– Серый ты, что не веришь, что мне пофиг на этих трупаков? Да вообще я чхал на них, вот что они мне сделают? Да ничего, а ты не веришь да? Думаешь это все моя фантазия, вот! – Он покрутил перед моим лицом здоровенным скрученным фигом, – Раз ты так думаешь, пойдем я тебе все покажу, эти могилы и трупака того буйного.

– Дык темно же, хоть глаз выколи.

– А мы фонарики возьмем, и ружье твоё, для уверенности. Встретим этого гада и пристрелим ко всем чертям, пуцай обратно в свой загробный мир лезет, каждый должен знать свое место.

– Не, не пойду, поздно.

– Страшно?

– Нет, поздно.

– Значит страшно, знаешь, а я сам сейчас пойду, дай мне свое ружье, и фонарик.

– Фонарик дам, ружье нет, пристрелишь еще кого спьяну, ненароком, или ружье потеряешь, а оно для меня как реликвия, дедовское.

– Значит, пошли со мной, перевес сил на нашей стороне, а если я все выдумал, то, что терять? Подойдем, увидим старые могилы и вернемся обратно.

– Ладно. Все равно ты от меня не отстанешь, ток одеться надо, а то на дождь натягивает, и ветер усиливается. Давай еще по одной, и пойдем с этим разберемся.

II

Всю дорогу нас сопровождал жуткий и постепенно усиливающийся ветер, к счастью, а может и не к счастью, между низкими тучами просочилась луна, добавив всему вокруг еще более мрачного вида. Где то в дали, ближе к городу активно била молния, всю дорогу от дома, Жека рассказывал веселые истории про студентов из института, про посиделки академиков после семинаров и конференций. Это по телику и в учебных заведениях они все такие культурные, в очках при галстуках, вежливо и воспитанно общаются. А как выпьешь с ними так нормальные мужики, и про баб разговаривают, и шутки пошлые знают, ну и конечно какая пьянка без обсуждения политики. Трудно поверить, что этот человек буквально час назад плакал как девчонка, и выглядел как беззащитный промокший котенок при своих почти сто кило и метр девяносто ростом.

Здоровый дядька, вот правду говорят «у страха глаза велики», когда человек испуган, он сам не свой, его выбили из колеи, то в чем он был уверен, вызывает у него сомнения, он не может принимать адекватные решения. У него в голове только одна мысль, и эта мысль долбит его на одни и те же темы: что это? Как так? Почему я? И все такое прочее, он просто не в состоянии даже думать о том, что бы себя успокоить и все верно рассудить. Но стоит ему успокоиться, как все становится на свои места, возвращается ясность, и трезвость мышления, странно, что мы этой трезвости добились путем употребления спиртного на душу.

Стоп, получается спиртное, растворяет страх? Получается так. Хотя спирт много чего еще растворяет. Но истинная правда в том, что спирт просто приглушает некоторые рефлексy и инстинкты, такие как инстинкт самосохранения, и ему подобные.

Пока я рассуждал, Жека не заканчивал рассказывать истории. Но в одно мгновение на полуслове он просто затих, смолк и остановился. Я это понял лишь, когда он отстал на пару шагов.

– Ну, ты чего? – Спросил я оборачиваясь.

– Да не, все нормально. – Жека попытался изобразить улыбку, но у него ни черта не получилось, он, наверное, даже явно протрезвел, мы уже были на входе в кладбище.

– Ну что пойдём? – Спросил я, поправляя ружье на плече.

– Чем хоть заряжено ружье? – Тихо почти шепотом спросил меня Жека, но взгляд его был прикован в темноту, вглубь погоста.

– Пулями... серебряными. – Ответил я также шепотом, и не сдержавшись, пропустил смешок. – Видел бы ты сейчас себя, юный охотник за приведениями.

Жека не довольнo посмотрел на меня сверху в низ, своими черными впадинами вместо глаз, и вся улыбка сразу пропала.

– Смешно тебе? Ну-ну, посмотрим, как ты сейчас повеселишься. Ну что пойдём?

– Ну пойдём, перекреститься не забудь, при входе.

Постояли перед входом, Жека помачал по сторонам фонариком. – С Богом. – Вздохнул, перекрестился и перешагнул по ту сторону ворот, меня ждать не пришлось, я был уверен, что все это Женины сказки, хоть и сам он этого не осознавал.

Ну не может быть, что бы люди из могил вылезли, во-первых, они мертвые, во вторых глубоко, в третьих это вообще не возможно. В связи с отсутствием множества необходимых, биологических процессов, которые прекращаются после смерти, или до её наступления. Ну в общем это не реально. И если там действительно разрытая могила и следы, то я ставлю под сомнения вообще все правила, которые существуют на земле. Да и что им тут делать на поверхности? Медом помазано что ли, не знаю, поживем, увидим.

– Пойдем. – И перекрестившись, перешагнул, невидимую линию, разделяющую два мира, живых и не живых. – Ну что, веди меня, Сусанин.

Бродили мы по кладбищу не то чтобы долго, Жека пытался найти ту могилу, у которой он себя помнил в последний раз. Я уже потерял все желание удовлетворить свое любопытство, и забил на эти поиски. Поэтому без особого интереса, просто ходил, посматривая то на темные могилы, то на бледнее черное небо. Ждал, пока Жека разочаруется и примет решение прекратить попытки найти это место и согласится поскорей возвращаться ко мне домой. Там мы накатим еще по рюмахе и ляжем спать, а завтра мужикам из тракторной бригады я расскажу все, немного приукрасив конечно, после чего мы все весело посмеемся над этими ночными похождениями. Может даже какое-нибудь прозвище дадут мне или Жеке.

Опять задумавшись, не заметил, как Жека остановился и направил луч фонаря на свежую могилу.

Ё-мае... – подумал я про себя. И правда свежая, ну точнее не давняя, недели нету. Ни травы на ней, ни дождем сильно не размытая земля, а другая вообще вся сухая. Тут я понял, что ветер совсем усилился, молния своим бледным светом озаряла кресты, все как в старых фильмах ужасов. Начал понимать, что я уже тоже трезвее трезвого, и не заметил, как ружье плавно переместилось с плеча в мои, мокрые от пота, руки. Хоть ветер и завывает, но и правда ничегошеньки не слышно, вообще ничего только ветер и то вроде как отдаленно, молния сверкает уже ближе, но грома нет.

– Ну что продолжим? – Шёпотом спросил Жека.

– Назад дороги нет. – И я понял, что сказал это дрожащим голосом, в горле и в правду все пересохло как будто в пустыне, ужас просто до костей проникал в мое тело.

– Ну, пойдем, вроде туда. – Он посветил чуток правее, но за кустом лишь помелькала новая, могила.

Не знаю почему, но меня начало трясти, как Гагарина в ракете при взлете. Ноги ватные не хотели идти, но все равно продолжали, как будто тянет кто-то туда. А тянет нас это гребаное любопытство. Мы медленно шли, а время тянулось еще медленней, хотелось просто бросить ружье и убежать. Как маленькая девочка, увидев мёртвого голубя, ломануть через все преграды и ничего не видя сквозь слезы, залететь домой и лечь под одею. Потом для уверенности скатиться под кровать и там уснуть в слезах. А на утро проснуться и лишь жалкие куски воспоминания напомнят о вчерашнем ужасе. Но бежать было не куда, да и не смог бы я бежать, хотя и очень хотелось.

Жека остановил меня рукой. – Смотри! – Он навел луч на могилу, и из моих уст просто вырвалась не согласованная цепочка бранных слов, от которых меня в детстве пытались отучить. Я удивляюсь, как сознание осталось при мне, как оно не решилось уйти от меня в столь страшную минуту.

Присмотревшись в темноту на маленький круг света, сквозь слезы я увидел, что из могилы еле шевелюсь, пытается вылезти жалкое подобие человеческого тела. Оно было лысое, худое, просто до ужаса худое и на его теле были видны раны. Освободившись по пояс, он разрывал вокруг себя землю пытаясь освободить свои ноги.

– Давай покончим с этим. – Прошептал Жека, – пристрели его.

– Я не могу, у меня не получится, я из ружья то никогда не стрелял, давай ты. Ты же военную кафедру закончил, вас учили.

– Да ни черта нас не учили... Ладно давай его сюда, заряжено?

– Да, пулей. – Я передал Жеке дрожащими руками ружье, чуть было, его не выронив из скользких рук.

В этот раз Жека держался куда лучше чем у меня в доме, может это из-за того, что это я взял на себя большую часть страха, или просто он был уже готов к этому, ну не то что бы совсем, но более чем я. Я то думал что это так, фантазия.

Секунды тянулись целую вечность, Жека снял с предохранителя ружье, направил его на труп и стал выжидать. Молния освещала его лицо, бледно синим светом, я видел, как по его огромному лбу стекали крупные, как горох, капли пота.

В это время тело продолжало тихонько ковыряться в земле, пытаясь откапаться, не обращая внимания на луч света, который был на него направлен. За звук я не говорю вообще, шум ветра был довольно сильный, но все равно нас оно вполне могло услышать. Это тело разгребало своими жалкими руками вокруг себя землю, и всхлипы его были похожи на бульканье, из его шрамов текла кровь, смешавшись с черноземом, превращалась в грязь. Жека задержал дыхание напряг руку.

– Возвращайся в ад! – прокричал он.

Выстрел!

По всей округе разнесся гром выстрела, эхо подхватив его пару раз, бросило, где то на краю поселка. В ушах стоял громкий гул, тошнотворный звон, и сквозь этот звон были еле слышны, чьи то крики и мольба о помощи.

Открыв глаза, увидел, что Жека сидит на земле, мотает головой, закрыв лицо руками, ружье лежит рядом, из ствола валит горячий пар, фонарик выпал из моей руки и светит в землю. Но кричал не Жека, как я думал, и не я. Это точно не Жека и не я издавал это шипение сдавленный крик и вопль одновременно.

– Здесь? Ааа... помогите, не убивайте, я ничего не сделал, помогите. – Крики доносились со стороны злорадной могилы. Подняв дрожащими руками фонарик, я осветил им и увидел, что это тело лежит, скорчившись, держится за свою худую руку из которой хлещет кровь.

– Ты кто? – Спросил я перепуганным голосом, скорей этот вопрос не был услышан, мало того, сомневаюсь, что он был произнесен.

– Пом... помогите мне. – Продолжал он кричать.

Я медленно подошел к нему поближе, еле передвигая ногами. Жека продолжил опираться своей пятой точкой о сырую землю. С неба пошел уже мелкий дождь, над головой стали слышны раскаты грома от молний, било совсем близко. И этот голубоватый свет освещал местность вокруг.

– Я прошу вас, я умоляю, помогите мне, я хочу жить, я и так натерпелся. Отвезите меня в больницу, я ничего не вижу. – Он продолжал наговаривать, а я стоял рядом, как вкопанный, и ничего не понимал. Ничего не думал об этом, да и вообще ничего не думал, я не мог думать, теперь я, был выбит из колеи.

III

Вот так вот, прожил сорок лет, не веря в сказки, не веря в загробные миры, надеешься, что есть только реальность и только сегодня. Нет завтра нет прошлого, все, что прошло, того не вернуть, а то что будет, никак не предвидеть.

Но бывают моменты, когда все твоё мировоззрение попадает под угрозу разрушения, есть факты, которые не оспорить, а вот теперь воочию вижу восставшего из мертвых, Не увидел бы, не поверил бы.

Но ладно, увидел, ладно убедился, что это не сон, ибо во сне боли не чувствуешь. А в данный момент чувствую, как ветка давит мне в голень, но я ничего с этим не могу сделать, тело просто не слушается. Я чувствую холод и также явно ощущаю удары капель дождя о мое тело. Самый главный вопрос, что делать дальше?

Можно просто добить, добить это нечто, а потом разобраться, что это и как оно вылезло, дважды мертвые точно не кусаются. А с другой стороны можно попробовать вывести это нечто на свет божий, на обозрение роду человеческому, может этот некто поведает нам о втором пришествии Христа, или с помощью его узнают тайну смерти. Проще добить, но кто мы такие, что бы решать, возможно, вопрос человеческого масштаба. Ладно, откапаем, посмотрим, пристрелить мы его всегда успеем.

– Жека вставай, чего расселся, давай его вытащим.

Жека на меня внимания не обратил, да и не обратил бы, если бы я первый не сорвался откапывать этот живой труп. Я не смотрел ни на Жеку, ни на это мерзкое тело, я просто пытался его откапать, может мной управлял простой интерес узнать, что будет дальше, что будет, когда мы его откапаем. Выживет ли он, и как он ожил, как он попал в эту могилу, вопросов подсобралось просто уйма. А решение всех этих вопросов и еще новые вопросы сейчас находятся в полной истерике.

Он что-то кричит, просто завывает от боли. Не глубоко его закопали, сантиметров двадцать, не больше, можно сказать просто землей присыпали. Когда через пару минут пальцы начали скользить по целлофановому мешку, Жека стоял в стороне, прячась за моей спиной, и рассматривал это тело.

Его стеклянные глаза просто бегали из стороны в сторону описывая не большие зигзаги, он пытался поймать взглядом и сфокусироваться на уродце, но видно, что у него это не получалось, да ни у кого не получилось бы. Его тело было настолько изуродовано, что смотреть на него даже при нормальных условиях получилось бы только у слепого. И то, он бы отворачивался, из-за особой чувствительности к окружающему миру. Такое не останется не замеченным.

До полного его освобождения оставались считанные минуты. Но на этом спасательная операция не завершена, ему нужна госпитализация, причем очень срочная.

– Жека! – Проговорил я, через плечо не оборачиваясь и не останавливая раскопки. – Жека, давай дуй в поселок, только бегом, вызывай скорую и милицию. Пусть они здесь все разгребают, а я пока откапаю его. Понял? – Но Жека как стоял, так и стоит, как будто меня не услышал. – Я к кому блин обращаюсь?! – Пришлось крикнуть, что бы привлечь его внимание. Похоже, что подействовало.

– Что это с ним? – Проговорил он сухим голосом.

– Да откуда я знаю, и не узнаем, ели ты сейчас же не побежишь за помощью. Давай дуй в поселок вызови скорую помощь. Только побыстрее, а то он тут подохнет еще раз от потери крови. Понял?

– Да-да, понял, хорошо, Серый я бегом. Я это, я мигом. – Жека было ускорился, но сразу же залетел в кусты, пошерудев в них немного, он скрылся из моего поля зрения.

Ну ладно, сейчас откапаю его, окажу первую помощь, придет скорая заберет его, потом придет милиция. И тогда начнется, фамилия, имя, год рождения, где проживаете, по какому поводу оказались в такое время суток на таком вот не привлекательном месте. И будешь по делу проходить как главный свидетель или подозреваемый, а по поводу раны на руке? Это же из моего ружья то был выстрел, вот блин!

Я даже на время приостановился раскапывать. Но ненадолго, мертвяк опять завыл во все горло, этот вой вернул меня к действиям. Так ружье, ружье надо спрятать. А куды ж его ныкать? Они ведь приедут и все обыскивать начнут. Найдут, точно найдут, а что делать? Пусть будет, как будет, расскажу им все как есть. Что шамальнули с перепугу, да, ружье заберут, да, может срок дадут за неаккуратное обращение с оружием либо охота вне сезон. А может договориться получится? Это получится если делу огласки не дадут.

А как тут не дать огласки? Понятное дело все узнают, что двое неизвестных, ночью откапали тело неизвестного скорее всего мужчины, да, точно мужчины, на женщину он ни как не похож. Так вот, откапали тело мужчины и при неуставленном следствием ритуалах действиях, воскресили его из мертвых. Да это не реально, но вполне возможно, у наших людей фантазия будь здоров.

Все, раскопки подошли к концу, как только экс мертвец оказался полностью на свободе, он выкарабкался из могилы, не прекращая взывать. Я никогда не думал, что человек способен издавать такие звуки. Даже звери бы не смогли так вот кричать. Если бы ветер дул в сторону поселка и люди не позакрывали окна от дождя, то тут бы уже минут через пять была толпа любопытных зевак, и оцепление.

Но к сожалению нет никого, кто мог бы мне сейчас помочь. А успокоить мертвеца, хотя какой он теперь мертвец, у меня не получится. Я не знаю, при каких условиях он сюда попал, но если он выживет и выкарабкается, то нормально жить он уже не сможет, на нем огромное количество порезов, еще и рука прострелена. В момент мне даже показалось, что у него нет глаз, я не могу разобрать его лицо, просто нет даже такого шанса, бледная луна укрылась в дождевых тучах.

Он постоянно крутится, и извивается как уж на сковородке, как червяк на крючке. Он, то скрутиться в позу эмбриона, то его тело схватывают конвульсии, я реально удивляюсь, как он еще дышит, как он не умер от болевого шока. Я даже не мог себя заставить прикоснуться к нему, я просто боялся, я с детства боялся мертвых, а живых мертвых я вообще не переношу. А с этого момента даже на кладбище зарекусь ходить, и скорее всего буду просить, что бы меня кремировали после смерти.

Его крики в который раз не дали мне слететь с колеи, наверно только благодаря нему, я не впадал в ступор. Но эти крики меня сведут с ума, я уверен, что теперь во снах буду их слышать, если вообще теперь буду спать. Был у меня в детстве страх, что меня могут похоронить заживо. Это, по-моему, появилось после изучения биографии украинско-русского писателя Николая Гоголя. Когда мне сказали, что есть доказательства, будто он был похоронен живым, то мне это так въелось в голову, что лет до пятнадцати я пытался засыпать в таком положении, чтобы не подумали, что я умер, глупо, но детство есть детство.

Ну, где же Жека с помощью, по-моему, уже полчаса прошло, как его нет. Есть конечно вариант, что скорее всего его заберут в больницу с такими заявлениями. Но все же должны они приехать за ним или скорая или милиция. В любом случае Жека сможет их убедить, что он не пьян, меня ведь смог, блин промок еще весь до нитки, холодно. Куда исчез этот прекрасный вечер, было же тепло, не долго, но было, и это вселяло надежду на то, что все-таки бабье лето наступило. Но, увы, продолжает торжествовать сырая, холодная осень.

В дали, замелькали фары, машины. Ну, наконец-то, скоро этот ночной кошмар закончится. И когда я увидел, что машина остановилась, но фары не погасила, то стало понятно, что они не знают, куда ехать дальше. Остановились они на пару секунд, а потом начали свора-

чивать. Видимо Жека запутался или просто не знает, как проехать на машине. Надо выбежать им на встречу и провести сюда.

Я подполз к экс мертвецу, точнее присел рядом с ним, он не обращая внимания, катался и извивался на земле с криками и мольбами. Мне даже показалось, что он приостановился на секунду, когда я к нему успокаивающе заговорил, как медсестра говорит с больным. – Ну, держись друг, скоро тебя спасут, еще немного осталось, потерпи браток. Я сейчас, я приведу помощь.

В ответ он только заскулил, по-моему, он попытался меня отблагодарить, но возможно это было просто бессвязное мычание. Я отбежал от него в сторону машины, которая приближалась уже к погосту, но немного левей, я выбежал им на встречу стал кричать и махать руками.

Я кричал им, что бы они ехали ко мне, и они меня услышали, расстояние было метров сто не больше. Машина медленно приблизилась, но фары продолжали бить четко мне в глаза, и смотреть на этот свет после жуткой темноты было просто невозможно. Я закрыл глаза рукой, а другую, поднял в верх и махал ею, отходя по памяти к тому месту, где лежал мертвяк. Он продолжал кричать, но вперемешку с ветром и громом этот крик было очень трудно разобрать.

Я провожал их до того момента пока не уперся в кусты в которых ранее запутался Жека. Машина остановилась, но фары продолжали светить мне в лицо. Я пытался убрать руку и разобрать, кто вышел из машины. Но свет был настолько яркий, что мне было больно на него смотреть, давно пора запретить эти «галогеновые лампочки». Я лишь слышал, как открылась дверь.

– Выключите свет, я не могу открыть глаза. – Пришлось начинать говорить, что бы хоть как то начать диалог. – Вас Жека привел? Вы не подумайте, он не врал. Там на погосте действительно живой мертвец, я его откапал. Выключите свет.

Я услышал, как ко мне подошел некто со стороны автобуса, он немного заградил собою свет фар. Убрав руку, увидел перед собой тень не малого размера, он был немного больше Жеки, здоровый, но не толстый как Жека, а накаченный, такой мужичара, с таким в полемику я бы не вмешивался. – Вы кто? – Произнес я, осматривая темный силуэт.

– Санитары! – Голос прозвучал как будто из глубины пещеры. И сразу стало как то не по себе. Я попытался отойти от него, мой страх уговорил мен убежать.

Гори оно все пропадом, своя шкура дороже. Но как только я решил пошевелиться, в голове после глухого звона в правом ухе, резко наступила темнота, и меня повалили на землю. На голову мне надели мешок, не целлофановый, воздух он пропускал хоть и с трудом. Меня начали, молча тащить по земле, через пару секунд закинули в их фургончик. Сопrotивлялся я или нет, не имело значения, все, попал в ловушку, допрыгался. Сидя в автобусе, я еще слышал последние крики этого мертвеца, из-за которого я оказался в этой западне. Но знакомый выстрел моего ружья прекратил этот ужас. Все приехали, баста, капитуляция, капец в общем.

Услышал, как открылась дверь и спустя пару секунд, от удара в голову потерялся на просторах моего без сознания.

IV

Пришел в себя, когда опять почувствовал трение по спине. Опять куда-то тащат, куда попал? Что теперь делать? Даже не знаю, сколько ехали и в какой части города сейчас могу находиться? Потерялся еще раз и окончательно, когда нас остановил гаишник. Это я понял с разговора водителя, он сказал, что это машина научно-исследовательской группы. И перевозят очень важный товар. Это я для них важный товар? Ну спасибо за честь, только мне от этого ни тепло, ни холодно. Так вот, когда услышал, что нас остановили на посту, пытался было подать хоть какие-то крики о помощи. Но тяжёлая рука, охватившая мое лицо, как только я попытался поднять голову, напрочь отвернула данную идею. С этой щупальцой на губах я не то, что говорить, я думал и дышать перестану. А после того как от поста отехали, без каких либо заявлений мне что то укололи. И все.

Зачем я им нужен, если нужен вообще? Хотя если бы было на оборот, наверно пристрелили еще на погосте и закапали бы меня вместе с тем мертвяком в одной могиле, в обни-мочку. Кормили бы червячков вместе, рассказывали анекдоты в очереди на суд к всевышнему нашему, болтая в предбаннике. Но, немного другая мне судьба уготована, продеться помучаться еще немного. Узнать бы, куда меня привезли, может получится договориться или откупиться, поугагать связями. Или на жалость давить, мол, семья у меня бедная и без кормильца вообще неизвестно, что с ними будет.

Уронили меня больно на пол, башка и так трещала от неизвестного вколотого вещества и от более раннего удара в голову.

– Что это вы мне притащили? – Голос не строгий. Но и приятным его не назвать. Находились мы в пустой комнате эхо довольно таки отчетливое.

– Кто это?

– На складе нашли. – Знакомый голос, это, похоже, тот санитар, что меня вылечил от яркого автомобильного света.

– Что он там делал? Вы же говорили, что этот погост заброшен и лишних глаз там не бывает.

– И не бывало. Но ваш последний эксперимент смог выбраться, а этот волонтер взялся ему помочь. Хорошо мы вовремя подъехали, Сева мобилу выронил, когда мы пакет закапывали, вот и вернулись. А тут этот нам, а точнее теперь вам на хвост присел.

– Странно, последний эксперимент был довольно неудачным, и по моим расчётам шансы на выживание были очень низки.

– Профессор, давайте мы с вами договоримся, что каждый будет делать свою работу. Впредь убедитесь, что ваши червяки не полезут из земли. В ином случае это принесет нам много проблем. Мне не сложно убивать, но каждый должен заниматься своим делом. Я доставляю материал, вы с ним проводите свои эксперименты. После платите мне деньги, а червяки остаются в земле и не беспокоят ни ваши, ни наши головы.

– Да-да, конечно. Скорей всего мне просто стоило увеличить дозу. Что сейчас с триста двадцатым номером?

– Он больше не составит проблем, а с этим делайте что хотите. Он лишний свидетель, и впредь постарайтесь не повторять своих ошибок.

– Это наука молодой человек. Вам этого не понять, и насколько я понимаю, по правилам вы должны были его закопать.

– По нашим правилам, господин профессор, он вообще не должен был выжить. Я и не хочу ничего понимать, также, как и не хочу разгребать проблемы из-за ваших ошибок. Куда его?

– В хранилище, я возьму у него анализы и мы посмотрим, на что он пригодиться.

Вновь здоровенные щупальца обхватили мою руку, за этим последовал угол.

– Сейчас вас укусит комарик. – Доктор наверно был рад такому подарку. – Вы мой друг не нервничайте, это бессмысленно, просто смеритесь. У вас теперь только один выход, и вам не нужно применять усилий, чтобы выйти, вас вывезут. Не тратьте жизненную энергию даром, ваши здоровые органы еще кому-нибудь пригодятся.

Утешил спасибо! Да товарищ профессор психолог из вас никудышный. После его пронзительно речи я попытался оказать сопротивление, это скорее всего было похоже на конвульсии, но все закончилось, как и прежде. Пара комариных укусов в шею и мир для меня накрылся сладким сном.

Проснулся уже от того, что рядом кто-то кашлял. Открыв с трудом один глаз, оказался я в не большой комнате без света, и какой либо мебели. Рядом со мной сидело три человека, и один лежал в дальнем углу. В комнате было очень темно и поэтому разобрать кто рядом и какой они внешности, я не смог, та и сил встать, особо не было. Но желание узнать, куда я попал и что со мной может быть, заставило напрячь хотя бы голосовые связки.

– Где... – Получился не вопрос, а просто скрип в трубах. В горе сильно пересохло, и говорить было очень больно. Даже невозможно было слюны наскрести для смачивания горла. Но после некоторых усилий решил повторить. – Где я?

– А черт его знает. – В ответ проскрипел такой же голос, как и у меня. – Но не расстраивайся, мы тут ненадолго, скоро для каждого из нас все кончиться. – По голосу, человек уже простился с жизнью и просто смерился с происходящим вокруг.

– А что с нами будет?

– Точно никто из нас не скажет. – Ответил уже другой голос. – А эти упыри не говорят, как будто языки в жопы позабывали. – А этот человек еще не простился с жизнью. В голосе слышны отчетливые агрессивные нотки. – Сначала они над тобой проведут две операции по удалению органов. А после третьей операции никто не возвращался, хотя можно и после первой не вернуться.

– Какие операции я на них согласия не давал.

– Ха ха... – Это был смех другого человека. Даже не смех, а так озвученная улыбка. – Согласие? Да о каком согласии тут может быть речь. Ты теперь раб, это раньше ты был свободным гражданином своей родины. А сейчас тебя как кабана на убой поведут, порежут по кускам. А когда вырезать будет нечего, просто забьют если сам не подохнешь и закапают где то в овраге. Не братцы не знаю как вы, а я так подыхать не хочу. – С этими словами он встал и подошел ко мне поближе. – Ты сам кто?

– Тракторист я. В колхозе у нас работал, до вчерашнего вечера.

– Понятно, семья есть?

– Есть. – После этого вопроса сразу как то грустно стало от мысли, что я их больше не увижу. Эх, вырастил две дочурки, красавицы, невесты. Жаль не получится у них на свадьбе погулять, да внуков не увижу. От подобных мыслей всегда ком в горле становится и слезы наворачиваются. Только сейчас так слаб, что и слезы нет сил выдавить, пересохло все. Приходиться держать в себе. – Две дочери у меня, невесты уже.

– Не ссы тракторист, у нас по лучшим расчетам часа два есть. Через два часа или тебя или кого-то из нас заберут на операцию. А если заберут того лежащего. – Он кивнул головой в сторону угла, в котором лицом к стене лежал, скрутившись в клубок человек. – То его больше не вернут и останется нас четверо. Хотя если с ним останется четверо, то шансов намного меньше.

– Он хоть живой? – Я подобно собеседнику кивнул головой в угол.

– А пес его знает! Ты о нем не парся, ты о себе думай. Значит, смотри какой расклад. У нас будет только один шанс, я тут понаблюдал за ними и понял, что они сначала самых слабых берут. Понимаешь, значит, следующим будет наш лежащий товарищ. Так вот, когда

за ним придут, а приходит один, он вызывает одного из нас или сам заходит и без лишних слов забирает любого понравившегося. Так как наш товарищ идти уже не сможет, то охраннику продеться самому за ним идти. А мы специально сядем рядом с ним. И когда он нагнется, мы вдвоем навалимся на него и дело в шляпе.

– А ты уверен, что мы его повалим?

– Жить хочешь?

– Да.

– Значит завалим. Ты просто пойми если не сейчас, то второго шанса больше не будет.

Ты как вообще в силах хоть побороться за свою шкуру?

– Для такого дела, силы найдутся.

– Ладно, тогда давай поближе к этому пересядем и будем там сидеть не вызывая подозрений. Ты главное голову опусти и не обращай внимание на охранника пока он не зайдет, понял?

– Да, понял. – Поднявшись на ноги, немного потерял равновесие, и чуть было не упал.

В глазах потемнело, и пришлось присесть обратно на задницу. – Чет хреново.

– Это отходняк, от транквилизатора, скоро попустит вовсе.

Посидев минуту и собравшись с мыслями, опять попробовал преодолеть высоту своего роста. Выровняться получилось, но в голове загудели вертолеты. Может и правда все не так плохо, может получится сбежать? Этот парень видать здоровый, спортивный в смысле. Не удивительно, что его могут на органы порезать. Это ладно я сюда по глупости попал, а он то как сюда угораздил? – Слушай, как ты сюда попал, ты парень вроде здоровый, мог бы и отбиться?

– Хм. Может и смог бы, если бы кореша мои, меня за долги суки не продали. Подставили меня, пригласили в сауну. Все нормально, выпили по пивку, а я шкурой чую, что-то не ладное. В глаза мне не смотрят, избегают меня взглядом, только между собой как то взглядами обмениваются. Но я думаю, может проблемы, какие? Спрашиваю у них, значит. – Пацаны, а что это вы смутные какие-то сегодня. – Они, значит, переглянулись, и говорит мне один. – Знаешь Витюня, дела у нас не ахти. Приехали зарожные, – это крыша наша, – и говорят, что пора платить по больше, а денег как ты знаешь сам, у нас особо не водиться, вот и мы думаем, как нам из этой ситуации выкрутиться.

А зарожные сказали, если мы значит, этот вопрос не решим, то продеться нам тяжело и больно. Тебе хоть и рисковать нечем, ты у нас как посредник с партнерами, но если мы эти вопросы не порешаем, то они и на тебя выйдут. Сечешь? – Ну посидели мы с ними поговорили об этом. И как принято к единому мнению не пришли.

Тут значит, звонит телефон, баклан трубку берет и с улыбкой нам вещает мол «девчонки приехали». Так что все нормально, сейчас еще гульнем, а я не дурак, вижу что ситуация накаляется. Ну, думаю ладно, посмотрим, что они дальше выкинут. И тут к нам в кабинку заходят два здоровых дятла, и без каких либо пояснений, меня за шкурки и в машину. В общем, это мои гниды подельники меня сдали, еще и бабло мое загребут.

Суки продажные. Ну ничего, – Он утешительно ударил меня по плечу. – Мы с тобой еще попляшем, на их могилах, Верно?

Я только кивнул головой и попытался изобразить подобие улыбки. Да, веселая ситуация, подумал я и мы присели возле полуживого, неподвижно лежащего на боку.

– Ни хрена у вас не выйдет. – Это был третий здравомыслящий в этой комнате. – Порешат они вас, как собак, и меня вместе с вами. – Голос с каждой фразой повышал тональность, видно у парня истерика начинается. Это понятно, у нас в тракторной бригаде один афганец был. Нервы у них ни к черту, заводились с полуслова. Можно просто посмотреть на него мимоходом, этого ему хватало для развязки конфликта. – Хватит вам, отжили свое, смеритесь, пожить пожили, теперь и помирать пора. – Мы сидели и молча слушали, не подымая головы, делая вид будто не обращаем на него внимания. – Кого вы из себя строите? Раньше надо было смелость

свою показывать. – Последние слова он уже прокричал. А после Витя просто встал и пошёл в темноту, крики продолжались еще пару секунд, пока третий резко не замолчал на фразе. – Хватит жить, сдохнуть хоч... – Он немного не договорил, а Витя просто подошел и молча сел рядом, вытирая кровь с руки о штанину.

Сидели мы в тишине, и было слышно только, как постанывал находящийся между нами двумя доходяга. Но вскоре и он затих, в камере стало до тошноты тихо. С иронией подумал, что пора привыкать, в могиле также будет. Я сидел и вспоминал моменты из жизни, как с дочурками гулял, как соседского пацана лупил за то, что во дворе лез целоваться к старшей дочери, они тогда классе в третьем были. Вспомнил, как они на мой тридцать пятый день рождения готовили утром мне праздничную яичницу с грибами, но тогда проснулся не от приятного запаха грибов, а от резкого запаха гари, они тогда оставили яичницу на плите и убежали в погреб за грибами, так в итоге про яичницу и забыли. Тогда конечно перепугался и серьезно их отругал, хоть и не бил, но тогда они все на меня крепко обиделись. Но сейчас вспоминаем все... ну, то есть вспоминали все со смехом. Может они еще, и вспомнят за общим поминальным столом...

– Эй, ты что спать удумал? – Кто-то начал меня трясти за плечо. – Давай расчехляйся охранник идет. – Да я наверно и вправду задумался и задремал, хорошо Витя быстро сообразил и вовремя меня разбудил. По коридору бегал луч света от фонарика и через пару секунд меня ослепил яркий свет.

Не знакомый голос повелительным тоном сказал. – Встать и поднести сюда лежачего. – Владелец его был крупного телосложения. – Что неясно выразился?

– Какого именно тебе лежачего? Этот наверно загнулся. – Витя говорил, медленно, не поднимая головы.

– Проверь пульс!

– Что?

– Проверь у него пульс, я сказал.

– Тебе надо ты и проверяй, я со жмурками дела не хочу иметь.

– А вот придётся, если не хочешь среди них оказаться.

– И кто мне может в этом помочь?

– Я и помогу. – После этих слов застучал механизм замка, и заскрипела дверь. Он подошел к нам. – Кто говорил? Ты сука смелый?

Так получилось, что голову поднял именно я. Думал, что он общается с Витей, но когда я посмотрел на него, то увидел, что он просто упал и лежит, скрутившись калачиком. Не успел я выронить и пары фраз, как мое тело преодолело невесомость и приземлилось в другом конце камеры, возле тела, которое успокоил Витя.

– Раз ты самый смелый то ты и без очереди пройдешь. – Мое тело снова преодолело силу тяжести, но в этот раз я упал помягче, чей то труп смягчил удар об пол. – Я буду смотреть, как тебя разрежут по кусочкам... Я твою шкуру буду скармливать псам, а твои останки... – Он присел возле меня и говорил почти шепотом мне на ухо, но у меня не было сил, что-либо сделать, я уже сдался и смирился... Я уже ждал. Его рука обхватила мое лицо и повернула к себе. – Посмотри на меня... Чувствуешь что то? Почувствуй, как приближается твой конец. Услышь его и это будет последнее, что ты сможешь почувствовать. – Я попытался просто напрячь свои скулы, не знаю для чего, может просто мне не понравилось, что со мной так разговаривают, я уже и не помню мотива. – Сучка хочет мне, что то сказать?

– Да! – Прозвучал голос Вити из за спины моего обидчика, его фраза прозвучала одновременно с звуком переломанных костей. Мой обидчик навсегда замолчал, но напоследок привалил меня своей грудой мяса. Я ничего не понимал когда Витя, что-то говорил мне и пытался вытащить меня из под завала. Просто в тот момент меня начало покидать сознание, сказыва-

лось переживание и предыдущие падения. – Эй тракторист, давай вставай. Если не встанешь, я тебя здесь и оставлю

И я встал, мне было тяжело, но я встал.

– Вам не убежать! – Раздался хриплый голос третьего, того который все время молчал и просто лежал в углу камеры. – Все тут подохнем.

– Вот и подыхай. – Сказал Витя, схватив меня под руки и поволок в коридор. Сначала было темно, и я слышал лишь, как мы перебираем ногами, точнее вскоре Витя просто меня волок. Перед моими глазами мелькали то темные, то до боли яркие коридоры. У меня сложилось впечатление, что двигались мы, целую вечность. Моментами я нормально приходил в себя, и мы бежали в два раза быстрее, но я бежал за ним вслепую, мне было очень больно открывать глаза. Лишь когда мы остановились, я облокотился об стену, открыл глаза и понемногу стал привыкать к позабытому свету. Мы стояли возле двери, Витя ее немного приоткрыл и выглядывал на улицу.

– Очухался? Хорошо! Слушай меня внимательно, сейчас мы выбежим на улицу, держись за мной и ни в коем случае не отставай, имей в виду я тебя ждать не стану. Смотри, напротив этой двери есть ворота, нам придется через них перелезть, это единственный шанс выбраться. Прости, но как только мы выбежим из этих дверей, каждый сам за себя, мне своя шкура дороже. Понял?

Я просто кивнул головой.

– Готов? – Я опять кивнул. – Нет, ты скажи... Мне нужно знать, что ты в сознании.

– Да... я готов.

– Хорошо побежали!

Он уже был за дверью, когда это договорил. Я побежал за ним, слышал лишь свое дыхание, и видел лишь свои ноги, как неуклюже перебирал ими. Бежал я настолько медленно, что уверен раньше ходил быстрее, мне трудно было оценить, какое расстояние от меня до забора, но складывалось впечатление, что он все дальше и дальше. Собрав силы, я запыхтел как паровоз, неизвестно, что предавало мне силы и заставляло бежать быстрее, возможно это была надежда либо второе дыхание, я поднял голову и смотрел, как отдаляется Витя.

Но у меня не было сил догнать его, он был уже возле ворот, а мне до них была еще целая вечность. Опять увидел свои ботинки и услышал выстрел. Посмотрев на ворота, увидел как к ним уже ползет Витя, на коленях, опираясь одной рукой о землю, а другой, держась за живот повалился на землю. После второго выстрела он перестал двигаться, и я вместе с ним.

Силы покинули меня, ноги стали ватные и землю из под меня просто вырвали как ковер. Я даже не почувствовал как ударился головой при падении. Но я отчетливо слышал голоса.

– Один готов!

– Контрольный ему, и несите на склад.

Мне кто-то дал по ребрам, и я рефлекторно простонал. – Второй живой.

– Добивай и на склад. Они хотели воли они её получают.

– Нет, стойте. – Это был знакомый голос доктора. – Минуту подождите.

Меня перевернули на спину, и я увидел небо. Я не чувствовал свое тело, но я чувствовал как свежий воздух с вкусной пылью гуляет по моему организму. И небо, никогда не видел такое небо. Белые райские острова плыли по голубым водам небесного океана. И в этот момент мне казалось, что именно эту картину я хотел бы видеть целую вечность. Хоть какая-то радость, что последнее, что я увижу в своей жизни, будет настолько прекрасное и не забываемое, даже трупами.

На пару секунд небо загородил какой-то бородатый мужик в белом халате, он посветил мне в глаза фонариком. После которого небо стало еще ярче.

– На стол его... Хоть какая то польза от него будет. – Опять знакомый укол.

И только яркое небо... не забываемое небо.

Post scriptum

Я смотрел на яркий свет и только вспоминал последнее небо, я лежал и улыбался, вспоминая свою жизнь, я прожил хорошую жизнь. Жаль, что человек не помнит своего рождения. Не помнит свой первый глоток воздуха, не помнит свой первый лучик солнца. Но также обидно, что он никогда не вспомнит свой последний день. Хотя я бы отдал свои последние минуты, что бы посмотреть на кусочек неба, а так меня просто слепит этот яркий свет, не могу пошевелить ни единым кусочком мышц своего тела. Либо они опять, что-то вкололи, либо у меня просто нет сил.

Хоть по жизни особо верующим никогда не был, но я бы сейчас перекрестился три раза, но, увы, наверно не суждено. Интересно, куда же пропал Жека. Что с ним дальше произошло? Вызывал ли он помощь, пришла ли она.

Надеюсь, есть место, где мы с ним встретимся, где он мне все расскажет, расскажет куда пропал и что делал после моей пропажи.

Я помню, что услышал, как в комнату вошел доктор. Он постоял надо мной, и опять скрылся с моего поля зрения, через мгновение зашумел, металлический звон инструментов. Вернулся он, уже держа в руках скальпель, заслонил собою свет, который так ярко бил мне в глаза.

Доктор уже опустил скальпель к моему телу, и я даже кажется, почувствовал прикосновение лезвия к своему животу. Как услышал, что кто-то вломился в дверь, где то вдали звучала сирена, по коридору кто бегал, тишину разрывали доносящиеся глухие выстрелы, крики которые мне было трудно разобрать, наверно опять кто-то сбежал.

– Что случилось? – Док говорил, не поворачиваясь и не отрывая от меня взгляда. – Какое вы имеете право, прерывать операцию. Если опять кто-то сбежал, то решайте эти проблемы сами, или я вынужден буду просить о новой охране. Отвечайте. Ну!

– Успокойтесь и положите скальпель. – Это был незнакомый мне голос.

Профессор повернулся в сторону голоса но, не успел сказать и слово как исчез из моего поля зрения.

Я слышал перестрелку, кто-то кричал по рации, отдавал приказы и пугал трибуналом. Кто-то звал доктора.

Меня переместили на носилки, одели мне какую-то маску на лицо. И после нескольких вздохов стало так легко и сладко.

Я слышал, как по рации говорили «У нас трехсотый. Он жив, но в тяжелом состоянии, высылайте вертолет». Потом еще, что-то говорили.

А я лежал и самодовольно, наверно даже пуская слезы, смотрел на яркий свет, и видел в нем лишь яркое, теплое приятное, и нежное небо...

Локомотив №148Н

После окончания железнодорожного института, устроился по профессии, машинистом грузового локомотива. Сначала конечно стал помощником машиниста. Работа интересная не сложная, но ответственности много.

Локомотив это очень сложный механизм, созданный гениями инженерной мысли. И требует этот механизм, особого внимания и соответственно уважения к себе. Можно даже предположить, что каждый локомотив, это особая личность или как то так. В общем, каждая машина, имеет свой характер, можно сказать, душу, что ли.

Но это, как по мне, сущий бред. Локомотив, это в первую очередь машина, набор сложных механизмов выполняющих функции, для которых они созданы. Вместе, эти функции создают невероятную мощь, способную тянуть огромные тоннажи грузов. Может, кто то и верит, что эти махины имеют душу. Но я не из этих людей, по крайней мере, оставался таким.

I

После очередного рейса, я со старшим машинистом вошел в столовую. Идя туда было у нас отличное настроение. Рейс тяжелый и выматывающий, был позади, а впереди меня ждала теплая уютная постель в общежитии, и долгожданный отдых.

Но войдя в столовую, все изменилось, в огромном как показалось зале, в центре сидело только три человека. Они опустили головы и просто молчали, в столовой стояла тишина. Да такая тишина, что я даже мог слышать, как дышат мужики, сидящие за столом, на котором стояла бутылка водки и шесть стаканов. Три на половину полные, четвертый полный и с кусочком хлеба сверху, и два пустых.

Все приятные и добрые мысли, улетучились, как и не бывало. Мы с Николаевичем обменялись взглядами и прошли за стол. Первым присел Николаич, мужики подняли головы, посмотрели на нас и не говоря ни слова, по очереди опустили свои глаза. После и я присел.

– Кто? – Спросил Николаич, – голос его был суховат и немного дрожал.

– Антон Семеныч, – не подымая головы, ответил Сергей с 130 локомотива.

Я услышал, как тяжело выдохнул мой наставник. Немного помолчав, он все же спросил то, что всегда интересует в таких ситуациях.

– Как?

– Сердце! – Также не подымая головы, ответил начальник Серёги, с того же локомотива.

– Я знал, что 148 его угробит. А он меня не слушал. – грозно проговорил Николаич.

Раньше я уже слышал про 148 локомотив, его в депо, называют «черным локомотивом». Очень странные истории про него рассказывают, самый смертельный, этот локомотив. Много людей под его колесами погибло, а машинисты не выдерживают нагрузки, и считай, меняются каждые полгода.

Только мало кто увольняется, всякая ерунда говорят, случается с ними. Но на моей памяти самый серьезный был случай, года два назад.

Тогда два машиниста на полной скорости просто выпрыгнули с кабины, по очереди, сначала один, потом второй. Первый, разбился, ударившись о камни, и переломав все кости, оставаясь в сознании, мучился до приезда скорой, а это было около трех часов, после чего скончался на руках у медиков, как только до него дотронулись, что бы переложить на носилки. Второго нашли только через неделю. Как то он выпрыгнул, что попал в реку Северский Донец, и только через две недели его выкинуло на берег.

А локомотив продолжал мчаться на полном ходу, не издавая, каких либо звуков. Дежурная на переезде заметила, что в проезжающем локомотиве было пусто в кабине. Любая возможность связаться с машинистами ни к чему не привела. Было принято экстренное решение. Переводя стрелки, вывели локомотив на резервные линии, после, отключили от питания всю линию. Поезд остановился только через три часа. Тогда же и скончался первый машинист, говорят, разница была в минутах. Но кто может знать точно, никто.

Много еще приключений было с этим локомотивом. Мы даже бастовали, что бы его спасли, но начальство в мистику не верит, а так как он самый живучий и самый исправный, его и оставили в строю. Но все равно, не все соглашаются на нем ездить.

Николаич поставил передо мной стакан. Налил в него половину, а себе полный.

– Что известно? – Спросил он, закручивая крышку бутылки.

– Известно, что ехали они по пятьдесят четвертому километру. Женька, помощник его, ушел в машинное не известно зачем. Да и сам он не знает, шок у него, – говорил Серёга, медленно никуда не спеша, выдыхая после каждого слова. Все остальные молчали, опустив глаза, они устали в рюмки. Только мы с Николаевичем смотрели на рассказчика. – Вдруг, локомотив начал резко тормозить, Жеку по инерции свалило с ног, он башкой ударился об желез-

ную дверь и отключился. А когда пришел в себя и забежал в кабину, то локомотив уже шел на малых и почти остановился, Антон Степаныч лежал на полу, уже с синими губами. Остановились они посреди поля, сразу после пятьдесят четвертого километра, так и стояли там до прибытия скорой. Когда мед брат залез в кабину, Жека сидел на полу с разбитой башкой, весь в крови и держал, прижав к себе Степаныча. Вот такая история, – последнюю фразу он сказал на выдохе и сразу, не медля выпил все оставшиеся в стакане. За ним повторил Николаич, я тоже не думал оставаться в стороне.

– Помянем мужика, – и я следом выпил стакан водки.

Посидев еще чуть-чуть, мы вышли со столовой и отправились по домам. Все-таки после смены, нужно отдохнуть.

II

– Артем, ты сума сошел! Ты понимаешь, на что ты подписываешься? – В комнату ворвался Николаич, красный как бык, злой, – ты понимаешь, что ты смертный приговор себе подписываешь?

– Николаич, Все будет нормально, это всего лишь один рейс. Хорошие деньги платят.

– Да потому и платят, знают что это, опасный рейс, это вообще опасный локомотив. Все опытные, все старожилы, отказываются на нем ехать. Потому что каждый раз как в последний.

Он метался с угла в угол, говорил очень быстро, брызгая иногда слюной, которая долетала до меня, сидящего за столом и наблюдавшего за ним.

Я пытался иногда вставлять фразы, когда он замолкает, но после моих убеждений, он опять взрывался как ураган и с новой силой начинал меня убеждать, что это все, очень опасно.

– Ну не верю я, во всю эту мистику, это просто машина, кусок железа, и все тут!

– Артем! – Он сел напротив меня, попытался успокоиться, но я видел, что у него это не получалось. – Артем, посмотри на меня. Я с тобой езжу уже три года. Все что я знал, я передал тебе, и ты верил мне и доверял мне. Так почему же сейчас! Сейчас, когда я, хочу спасти твою жизнь, ты поворачиваешься ко мне спиной? Почему ты не слышишь меня, – говорил он, по нарастающей громкости, и в итоге опять перешел на крик. – Почему он так манит тебя? Чем он вас всех так манит? Не соглашайся, Артем! Слышишь меня, откажись!

– Николаич! – сказал я, подымая голову.

Он резко встал и направился к выходу.

– Делай как знаешь, – он стал возле двери, повернулся посмотреть на меня. – Артем! Не ты выбираешь локомотив, и не ты им управляешь. Ты просто для того, что бы делать то, что он говорит, и очень не многие, способны противостоять ему. – Он говорил спокойно, уверенно, как тихий спокойный ветер, после бурного урагана. – И я искренне надеюсь, что ты сильнее.

Постояв еще мгновение, он вышел не попрощавшись.

Впервые его видел таким встревоженным и заведенным. Старики они очень сильно верят в эту мистику, может, потеряв эту веру, они потеряют веру во что либо еще? В загробную жизнь, например. Нет, бред, Николаич не такой, просто напуган он сильно. Как-никак, много лет он уже в этом депо работает, многое видел, многое знает.

III

Мы ехали уже около часа. Я был вторым машинистом, первым был Жека. Тот, который был напарником Степаныча. После больницы он мало с кем говорил и ходил вечно думающий о чем то, с мужиками почти не общался, к локомотиву почти не подходил. Сегодня первый рейс, как у него, так и у этого локомотива после случая со Степанычем. Они оба не были в работе почти три месяца, Жека лечился, а локомотив стоял без дела.

– Знаешь Артем! – он говорил со мной не оборачиваясь на меня, смотрел только на дорогу, в кабине было тихо, слышно только приглушенный шум электромоторов и охлаждения. – Я честно тебе скажу, не хотел я, что бы ты ехал, но так как ты уже здесь, запомни некоторые правила. Делай то, что я тебе говорю, и только то, что я тебе говорю. Я знаю этот локомотив, а он знает меня, ты тут в первый и я надеюсь в последний раз. Через час, ты должен будешь сойти на станции «Основа» там у нас остановка.

– Что, как сойти?

– Не задавай лишних вопросов. Просто знай, что ты должен сойти и дальше я поеду один. Это сэкономит тебе жизнь.

– Ты шутишь что ли, Жек? – Я повернулся на него, но он не обратил на меня, ни малейшего внимания. И я дальше стал смотреть на дорогу, наблюдать, как шпалы пропадают под локомотивом.

– Надеюсь, тебе повезет, и он тебя отпустит, должен отпустить. Это теперь наше лично с ним дело и ты тут не причем. И даже не пытайся меня остановить, я знаю, что он позвал тебя, он надеется, что ты остановишь меня. Но это не в твоих силах, я знаю.

– Что ты задумал? – Я не понимал, о чем он говорит, как по мне, так он нес просто бред.

Он не ответил, а просто начал сбрасывать скорость, скоро должна быть остановка.

Мы ехали в полной тишине, только стук колес и шум из машинного зала. Но за три года, так привыкаешь к этому, что не обращаешь внимания. Все же шум у этого локомотива был немного другой, странный очень.

– Что не так с этим локомотивом? – не знаю, зачем я спросил, любопытство как никак будоражило, оставалось ехать еще минут тридцать. Не хотелось быть в тишине.

– Не знаю, никто не знает. Но я знаю, что этот локомотив настоящее зло. Он пожирает людей, я видел это. Я видел это один раз, но ощущал порядка десяти. Когда он хочет жрать, он по-другому шумит, он становится тихим, подкрадывается к жертве, как дикий зверь. – Его голос был монотонным, спокойным, как будто он говорил обычные вещи. Так преступники рассказывают о своих жертвах, но в тоже время не считают себя виновными, они думают, что так и нужно, что так нормально. – Он пытается скрыть свое присутствие, свое приближение и тогда жертва сама идет к нему в пасть. Я не знаю, как он это делает, ты видишь за триста, четыреста метров, человека идущего навстречу смерти. Ты сигналишь ему, вдавливаешь педаль гудка в пол, но бесполезно. Он не слышит, он идет как будто заколдованный, не обращая внимания на оглушающий вопль клаксона. И тут, почуяв жертву, зверь несется за добычей. Этот локомотив, сам или ускоряется, или замедляется, сам подстраивает скорость, что бы встретиться со своей жертвой. Я говорил, что видел это только один раз и мне хватило. Доля секунды вперед и пролетели бы прямо перед носом человека, доля секунды задержки и мы бы пролетели за его спиной. Это возможно на других локомотивах, но этот никогда не промахивается, он всегда «вовремя». Ты видишь, как человек идет десять метров, восемь... Время не течет как вода, оно тянется как кисель. Ты ведешь все до мельчайших подробностей. И вот он, прямо в центре кабины, и все, нет больше человека. А эта падла, начинает громче шуметь, он доволен, как будто посмеивается. В ту ночь, мы пытались его остановить, у нас почти получилось, но я не смог, он овладел мной, и я не смог.

Он на секунду опустил глаза, но потом опять уставился на дорогу.

– Он мне снится, Степаныч приходит ко мне во снах, просит лишь об одном.

– О чем?

– Уничтожить черный локомотив. Отомстить ему за то, что Степаныч погиб. Отомстить за всех погибших из-за него людей. И знаешь? – Он посмотрел на меня, в его глазах была пустота, были глаза, но они были ужасно серые, зрачки расширенные и одновременно полные слез, они блестели. Я не общался с сумасшедшими, но сейчас у меня было именно такое впечатление. – Я выполню обещание, – выдавил он сжав челюсть.

Я не желал находиться в кабине, неизвестно силой меня выталкивало из нее. Но я наверно еще немного сопротивлялся. Надеялся на что то, но все же не выдержал и решил сойти.

– Начинай тормозить, – сказал я беря куртку, – скоро «Основа»

Женя потянул на себя рычаг скорости, но это, ни к чему не привело.

– Что такое? Мы набираем скорость?

– Похоже, эта падла, не хочет отпускать тебя. Прыгай! – Крикнул он, брызгая слюной. – Давай же, если хочешь жить, выпрыгивай.

Я выбежал с кабины, подбежал к двери открыл ее и у меня аж в нутрии все вздрогнуло. Мы мчались на сумасшедшей скорости. Прыгни я сейчас, разобьюсь в лепешку, ни одного живого места не останется. Нет, лучше я поживу и буду пытаться остановить Жеку.

Я вбежал в кабину, Жека стоял спокойно у руля.

– Какая скорость? – спросил я, как только открыл двери.

– Что? Ты еще тут? Идиот! Выпрыгивай. – Он направился ко мне и начал выталкивать меня из кабины в сторону выхода. У него был сумасшедший взгляд, его серые глаза прям светились. Он весь горел и трусился, лицо его было жутко красное, как будто вот-вот лопнет. На его лице тряслись все мышцы, глаза его страшно покраснели. Он почти вытолкнул меня к дверям, я понял, что если не буду сопротивляться, то мои мозги будут доедать лесные звери, слизывая их с железнодорожного щебня.

Я ударил его в живот и резко оттолкнул, споткнувшись он ударился головой об железную стойку, у него опять пошла кровь, со старой незажившей еще раны.

– Ты не понимаешь! – Он говорил вроде бы тихо, откашливаясь и скручиваясь от боли в животе, но я отчетливо его слышал через шум в машинном отделении. – Мы, должны его уничтожить, иначе он уничтожит нас, нас, и еще много кого другого! Ты слышишь, как он тихо работает?

И в правду я не заметил это с самого начала, но в машинном зале было относительно тихо. Хотя учитывая, что мы все еще набирали скорость и за нами тянулось вагонов тридцать, полных угля и десять с авиатопливом.

– Он почуял жертву. И если мы его не остановим, то он убьет, сожрет кого-нибудь, а после уничтожит нас, так как мы для него опасны теперь.

Я помог Жеке подняться и довел его в кабину, посадил на стул.

Он присел, оперся спиной о стенку, провел рукой по голове, после чего вытер кровь о свою куртку.

– В ту ночь. – Жека говорил спокойно, даже можно сказать монотонно. Он не смотрел на меня, он смотрел в темную даль, которая пролетала за окном локомотива. – Мы вылетели на пятьдесят четвертый километр. Идеально ровный участок пути, хорошо просвечиваемый.

Я читал газету «Вести», а Степаныч был у руля. Тут он резко заматюкался, и начал давить на педаль гудка. Я встал и увидел, что на переезде стоит пассажирский автобус желтого цвета. Он не двигался, просто стоял, прямо посреди путей. Кроме него на переезде никого не было, ни одной машины, ни одного человека.

До столкновения оставалось меньше километра, Степаныч накрутил тормоз на себя, на его руках от напряжения напухли вены. Нас оглушил скрип колес, но мы не останавлива-

лись, а наоборот набирали ход. Такое ощущение, что локомотив вырывал колеса из тисков, при этом был ужасный скрип, да так, что у нас потекла кровь с ушей. Были бы мы полные, нас бы просто сжало как лепешку, но мы шли налегке и должны были остановиться, но не останавливались. Степаныч убежал в машинный зал, потом прибежал обратно, схватился за тормозную ручку и начал его давить на себя на всю, до упора. Он ухватился двумя руками, но толку не было.

Он повернулся ко мне и начал что-то говорить, но скрип был настолько громкий, что ничего не было слышно, тогда я подошел ближе.

– Жека, – кричал, задыхаясь Степаныч, – Подыми давление на первую пару колес. Не задавай вопросов просто сделай это.

Я побежал в машинный отсек, хотел поднять давление на тормозные колодки. Это было опасно, но это того стоило, там в автобусе было, около двадцати человек, а могло быть и больше, если не меньше. Но мы должны были предотвратить столкновение.

Я поднял давление в колодках, меня резко дернуло, я упал и ударился головой. Но я не потерялся, как все думают. Я пришел в кабину, я смотрел, как мы приближаемся к автобусу. Я даже смог разглядеть в нем пассажиров, их лица. Они сидели смирно как заколдованные и даже не смотрели в нашу сторону. – Немного помолчав, он продолжил. – Когда время начало тянуться, как кисель, когда до столкновения оставались секунды, я струсил. Я закрыл глаза руками в ожидании столкновения. Возможно, был слышен крик пассажиров, но я слышал только оглушающий скрип тормозных колодок о колеса, я ждал удара.

Но его не было. Не было ни в эту, ни в последующую секунду. Открыв глаза, увидел, что мы уже сбрасывая ход, проехали этот переезд, следов автобуса не было. Увидел, как Степаныч скрутился на полу, подняв его, я спросил:

– Где автобус?

– Этот черт, обманул меня.

– Что с автобусом, Степаныч?

– Он превратился в пыль! После этих слов, он уже не открывал глаза, через пару неровных, судорожных выдохов он уже не вдохнул.

Жека замолчал, он закрыл руками лицо. Наклонился, уперся локтями в колени, потом поднял голову, вытер лицо. Его глаза были красные, они блестели от слез.

– Понимаешь, что произошло? Он почувал, что Степаныч собирается уходить. Он не хотел отпускать его и для этого, он разыграл такую «комедию».

Мы сидели молча, у Жеки с головы продолжала течь кровь с разорванной старой раны. Я собирался с мыслями.

Ничуть не верил, во всю эту мистику, но хотел с этим всем покончить. Я встал, взял в аптечке бинт и перекись. Подошел к Жеке вылил ему на голову перекись, от чего Жека зашипел, а перекись запенилась, хотел было встать, но просто поднял голову и посмотрел мне в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.